

К 200-летию Д. В. Григоровича

Юрий КОЗЛОВ

ПЕТЕРБУРГ ДМИТРИЯ ГРИГОРОВИЧА

В кругу русских писателей XIX века немного найдется таких, которым в детстве привелось встретить столько неблагоприятных условий для литературного поприща, сколько их было у Дмитрия Васильевича Григоровича.

Отец будущего писателя В. И. Григорович, из дворян, служил управляющим в имении графини Соллогуб Никольское, что в Ставропольском уезде Симбирской губернии. Василий Ильич был родом из Малороссии, около тридцати лет служил в гусарах и вышел в отставку с чином майора и небольшой пенсией, 340 руб. в год.

Никольское украшали каменная церковь и двухэтажный барский дом, выходивший на реку Черемшан, приток Волги. Ближайшая волжская пристань с лабазами для вывоза хлеба и село Ундыры в трех верстах от пристани, с сахарным и винокурным заводами, суконной фабрикой и овцеводческой фермой принадлежали отставному генералу П. Н. Ивашеву, получившему оба селения в приданое за женой Верой Александровной, урожденной Толстой. Ивашевы имели сына и четырех дочерей, для воспитания последних была приглашена француженка Мари Сесиль Ледантю с семьей.

В Россию мадам эмигрировала в 1803 году с четырехлетней дочерью от первого брака Сидонией и негодяем Пьером Рене Ледантю, бежавшим от пришедшего к власти Наполеона Бонапарта по политическим убеждениям. Ледантю удалось перевезти в Россию ряд картин голландской школы, проданных в Эрмитаж и строгановскую коллекцию. Эмигранты обосновались в Петербурге, заключили брак в местной французской реформаторской церкви, здесь у них родились три дочери и два сына. Летом 1812 года, опасаясь появления Наполеона в российской столице, семейство перебралось в Симбирск. Мать, которую в России называли Мария Петровна, стала гувернанткой в домах симбирских дворян. В 1817 году она перешла в дом Ивашевых, на следующий год ее муж с сыновьями уехал в Петербург, где и скончался в 1822 году. Вдове пришлось нелегко, но сумела дать детям хорошее образование и воспитание.

Бывая в имении Ивашевых по хозяйственным делам, Григорович свел знакомство со старшей из девушек-француженок. Сохранилось несколько записок отставного гусара к «повелительнице и другу души моей Сидонии Петровне», написанных на русском

Юрий Васильевич Козлов родился в 1954 году в с. Вороновка Инзенского района Ульяновской области, окончил Ульяновский политехнический институт. Более 20 лет возглавлял Средне-волжский филиал института «Спецпроектреставрация», заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор 300 статей и восьми научно-популярных книг. Награжден Памятной медалью «200 лет со дня рождения И. А. Гончарова» Министерства культуры Российской Федерации. Живет в Москве.

языке, которым адресат владела свободно. В марте 1820 года Василий Ильич заручился согласием мадемуазель на замужество и обратился за благословением к Марии Петровне.

Приятным удовольствием позволяю уведомить вас, Милостивая Государыня, что провидением самого Бога любезнейшая ваша дочь Сидония Петровна желает составить мое счастье быть моею женою, — писал Григорович. — Я, рекомендуя себя в любовь и милость вашу, прошу покорнейше принять меня в число семейства вашего, именоваться вашим покорным сыном...¹

Вскоре состоялась свадьба, невеста перешла в православие. 19 марта 1822 года у Григоровичей родился сын, при крещении нареченный Дмитрием.

Василий Ильич был человек типический, своеобразный, — писал впоследствии один из сыновей хозяйки Никольского, автор «Тарантаса» и других сочинений В. А. Соллогуб. — Едва займется заря, уж он на коне скачет на работы, приказывает, распоряжается, журит. Крестьяне его побаивались, но обращались к нему за советами по своему собственному хозяйству, что для крестьянского упрямого самолюбия образует высшую степень уважения <...> Женат был Василий Ильич на Сидонии Петровне Ledentu <...> Ростом Сидония Петровна была высокая, худая, отчего держалась немного сгорбленно, но лицо имела очень приятное и умное; мы ее, как и мужа ее, очень любили².

Сидонию Петровну частенько навещали сестры, которые воспитывались вместе с дочерьми Ивашевых. Сын Ивашевых, окончивший Пажеский корпус, подолгу гостил у родителей и влюбился в младшую из девушек, Камиллу. Но о браке между блестящим офицером и бедной француженкой не могло быть и речи. Семейству Ледантю пришлось покинуть Симбирск и переселиться в Москву.

После восстания на Сенатской площади выяснилось, что Василий Ивашев был членом Южного общества декабристов, его приговорили к каторжным работам. Камилла Ледантю служила гувернанткой в одном из богатых домов под Москвой и, узнав про беду, решила отправиться следом за Василием в Сибирь. Мария Петровна известила письмом Ивашевых о намерении дочери разделить горькую участь их сына. Копию ее письма вместе с сопроводительным письмом отец декабриста переправил в Петровский острог Василию, который «принял предложение <...> касательно девицы Ледантю с <...> чувством изумления и благодарности»³.

Сидония Петровна грустила от разлуки с матерью, сестрами и братьями; Василий Ильич задумал перебраться поближе к Москве. Осенью 1826 года он приобрел имение Дулебино в Каширском уезде Тульской губернии, на притоке Оки Смедве; от Каширы до Первопрестольной насчитывалось всего ничего, 115 верст по тракту.

Полноправным помещиком Григорович пробыл недолго, в июне 1830 года неожиданно скончался. Мария Петровна поспешила в Дулебино, чтобы разделить одиночество овдовевшей дочери. Сидония Петровна о муже отзывалась с благодарностью: он только и думал, как угодить жене. Все внимание она сосредоточила на Дмитрие, других детей у нее не было. Крестьяне Григоровичей были отпущены на оброк еще при жизни Василия Ильича, полагавшего, вероятно, что женщине, да еще иностранке, не управиться с барщинным положением.

¹ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 123. Л. 1.

² Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 402—403.

³ Гессен А. «Во глубине сибирских руд...». М., 1969. С. 207.

Воспитанием Дмитрия в основном занималась умная и начитанная бабушка, которая находила, что мальчика слишком балуют. Его посадили за французскую азбуку; читать он выучился быстро, с чистописанием было несколько хуже. «До восьми лет в моих руках не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я от дворовых, крестьян и больше от старого отцовского камердинера Николая, — отметит Григорович-младший, — он любил меня, как будто я десять раз был его родным сыном, как будто отец мой, перед памятью которого он благоговел, завещал ему утешать меня, любить и ласкать <...> По целым часам <...> водил по полям и рощам, рассказывал разные приключения и сказки»⁴.

Когда Дмитрию исполнилось десять лет, Мария Петровна повезла внука в Москву и отдала в гимназию. Плохо читая и еще хуже умея писать по-русски, он терялся и служил предметом насмешек одноклассников. Мучения его продолжались недолго: через два месяца заболел корью; после выздоровления сердобольные тетки Луиза и Амалия, да и бабушка в гимназию не пустили.

Тем временем другая его тетка, Камилла Ледантю, в сопровождении супружеской пары из ундоровских крестьян отправилась в далекую Сибирь. В сентябре 1831 года обвенчалась с Василием Ивашевым; жили поначалу в тесном каземате мужа, затем в небольшом домике на Дамской улице Петровского завода. В письмах мать и сестры старались поддерживать добровольную затворницу советами и добрым словом. 15 сентября 1834 года Сидония Петровна, уделявшая здоровью сына особое внимание, писала только что родившей дочку Камилле: «Ты знаешь, что он был очень слаб от 2 до 6 лет»⁵.

Дмитрия отдали в пансион госпожи Монигетти, где обучение велось на французском языке; раз в неделю приходили учитель-немец и русский учитель. Занятия дополнялись уроками танцев, также воспитанники посещали Школу рисования, основанную графом С. Г. Строгановым на свои средства. Григорович отличался из всех своей охотой к рисованию.

В первый же год я сделал такие успехи, что директор школы <...> обратил на меня внимание, — будет вспоминать Д. В. Григорович. — Упоминаю об этом с тем, чтобы указать на природенную мою склонность к художеству; она выказалась сама собою, без всякой подготовки, выказалась инстинктивно в такое время, когда остальные способности не думали еще пробуждаться. Кто знает, если б тогда уловили во мне эту склонность и дали ей надлежащее направление, из меня, может быть, вышел бы порядочный художник»⁶.

Его содержание в пансионе обходилось матери около 1500 рублей в год, что было довольно обременительно. Сидонии Петровне удалось выхлопотать пенсию за мужа, которая немного улучшила материальное положение. У Монигетти Дмитрий находился более двух лет, но был не в состоянии сочинить и написать по-русски самого простого детского письма; письма к матери писал не иначе как по-французски.

Сидония Петровна поехала в Петербург, чтобы разузнать о возможном поступлении сына в Главное инженерное училище, созданное великим князем Николаем Павловичем. Оно считалось лучшим военно-учебным заведением в России и имело небольшой численный состав — 126 воспитанников, или кондукторов, каждый не моложе четырнадцати лет.

В начале 1836 года Дмитрий был устроен в пансион капитана К. Ф. Костомарова, занимавшегося подготовкой к приемным экзаменам в училище. «Учитель русского языка <...> принялся за меня с особым усердием, заставлял писать под диктовку, ис-

⁴ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 29—30.

⁵ Юнкер Г. Детские годы Д. В. Григоровича по архиву Ивашевых // Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 89.

⁶ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 33.

правлял мою рукопись, разъясняя ошибки, — отметит Григорович. — К концу первого года я заметно сделался внимательнее, стал лучше понимать уроки. Не давалась мне окончательно одна математика»⁷. Экзамены он выдержал в основном благодаря хорошему знанию французского языка и способности к рисованию; было удовлетворено и прошение о принятии его на казенный счет.

В январе 1837 года Григорович приступил к занятиям в училище, помещавшемся в Михайловском инженерном замке. Все воспитанники делились на старших I и II класса и младших III и IV класса, последних полупрезрительно называли «рябцы». Старшие считали доблестью подвергать новичков всевозможным унижениям: угостить пинком пониже спины, плеснуть холодной воды в постель, налить на бумагу чернил и заставить их слизать. Это происходило в казенном заведении, где за самый невинный проступок — расстегнутый воротник или пуговицу — отправляли в карцер или ставили у дверей на часы, не позволяя опускать ружье на пол.

По воспоминаниям Григоровича, притеснения «рябцов» почти сошли на нет, когда Федор Радецкий из старших классов, рослый и сильный, заступился за избитого и сбил обидчика на пол. Храбрец объявил, что считает подлым обычаем нападать на новичков и тот, кому придет такая охота, будет с ним иметь дело. Способствовал смягчению нравов и новый ротный командир барон Розен, боевой офицер с Георгиевским крестом в петлице, ранее служивший на Кавказе. Григорович отмечал, что многим обязан преподавателю рисования и черчения, инженер-капитану А. П. Реймерсу.

Сидония Петровна тоже нашла себе занятие, устроилась классной дамой в Смольный институт благородных девиц, воспользовавшись знакомством своей семьи с Ивашевыми. Начальницей там состояла госпожа Панчулидзева, родственница Веры Александровны Ивашевой, которая называла Панчулидзеву своей кузиной. Условия были хорошие: 500 рублей жалованья в год, при готовой комнате с отоплением, освещением и со столом. По воскресным и праздничным дням могла видеть у себя дома сына, по просьбе которого оплачивала частные уроки у преподавателя Императорской Академии художеств М. А. Тамаринского. Но к желанию Дмитрия перейти из училища в академию относилась отрицательно.

После майских парадов и переводных экзаменов кондукторы отправлялись в лагерь, находившийся в Петергофе, где занимались строевой подготовкой и маневрами. В свободное время можно было гулять по всему лагерю и даже бегать украдкой купаться на шлюзы. Григорович как-то раз едва не утонул: сел верхом на одно из бревен, которые огораживали место для купания, перевалился на другую сторону и пошел ко дну. Лагерная жизнь казалась ему приятной забавой в отличие от предстоящих занятий в классах.

В январе 1838 года в Инженерное училище поступил Федор Достоевский, отличавшийся начитанностью. «Достоевский во всех отношениях был выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня, — будет вспоминать Григорович. — То, что сообщал он о сочинениях писателей, имя которых я никогда не слышал, было для меня откровением. До него я и большинство остальных наших товарищей читали специальные учебники и лекции, и не только потому, что посторонние книги запрещалось носить в училище, но и вследствие общего равнодушия к литературе»⁸.

Год от году Дмитрий учился неохотнее; с одной стороны, его увлекало чтение, с другой — любовь к рисованию. Независимость и свобода учеников Тамаринского разжигали желание оставить училище с его уставами и казенщиной. Он с радостью покинул его после наказания за то, что на улице не отдал честь великому князю и, испугавшись своей оплошности, убежал от него.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 46.

Сидония Петровна не стала попрекать обманувшего ее надежды сына, а отправилась в Академию художеств отыскивать ему съемную комнату. Дмитрий продолжил учиться там вольнослушателем, выдавая каждый месяц, кроме рисунка, несколько эскизов. Тамаринский доставал иногда даровые билеты в театр и приглашал Григоровича идти вместе. Спектакль, опера или балет произвели на юношу чарующее действие, он обзавелся знакомствами среди артистов, казавшихся во сто раз интереснее академических приятелей.

Раз стоял я вместе с другими на актерском подъезде в то время, как артисты выходили после представления, — писал Григорович. — Одной из воспитанниц школы (театрального училища. — Ю. К.) не достало места в карете, и ее заставили ждать вместе с классною дамой обратного возвращения экипажа. Я случайно был подле и заговорил с нею. В следующее представление мы встретились уже как знакомые; месяц спустя я был влюблен, как может влюбляться в первый раз девятнадцатилетний живой юноша, предоставленный самому себе, пользующийся полною свободой, без контроля семьи и зрелых близких людей⁹.

Дмитрий, чтобы чаще видеться с девушкой, решил поступить в театр, действующий при училище. На пробах бойко декламировал монолог из «Моцарта и Сальери» Пушкина и был приглашен на репетиции. Пробовал себя в исторической драме «Поединок при кардинале Ришелье» в роли своего сверстника-француза, но показал полное отсутствие актерских данных. Тогда он решил жениться, как только возлюбленную весной выпустят на волю. В письме просил матушку согласиться на этот брак и не мешать его счастью; она ответила, что не разрешает жениться и перестает высылать ежемесячное содержание.

После десяти лет каторги в Петровском заводе В. П. Ивашев был переведен на поселение в Западную Сибирь, в город Туринск. За ним неотступно следовала жена-француженка с тремя детьми. В феврале 1839 года, получив разрешение властей, к ним прибыла Мария Петровна, чтобы помочь младшей дочери в заботе о внуках. Спустя десять месяцев Камилла, после родов дочери, скончалась от «нервической горячки» вместе с новорожденной. Ровно через год умер от кровоизлияния в мозг Василий Петрович, не перенесший утраты верной подруги. Оставшихся после смерти родителей сирот опекала бабушка, в июле 1841 года она выехала из Туринска в Ундоры. Дети были взяты на воспитание сестрой Ивашева, княгиней Е. П. Хованской.

Потеряв за один с небольшим год дочь, зятя и сына, Мария Петровна с чисто мужской твердостью переживала свое горе. По возвращении из Сибири поселилась в Дулебине со старшей дочерью, для себя довольствуясь малым. Уже девятилетней старушкой она писала внуку Евгению Ледантю, что «одно из моих наставлений всем внукам — хорошо использовать юные годы; иметь работу, бодрость, при умеренности в желаниях»¹⁰.

* * *

В феврале 1842 года произошла случайная встреча Григоровича с директором Императорских театров А. М. Геденовым, который услышал его разговор с приятелем и поинтересовался, где он так хорошо научился говорить по-французски. Молодой человек был приглашен на службу в канцелярию Геденова. Посещения Александринского театра подтолкнули его к занятиям переводами французских пьес для сцены, пришлось немало мучиться над быстрым разговорным языком. В первой из переведенных пьес под названием «Наследство» ошибки исправили на репетициях, она была дана в бенефис М. И. Вальберховой и выдержала шесть представлений.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Юнкер Г. Детские годы Григоровича по архиву Ивашевых. С. 90.

Среди частых посетителей Дирекции Императорских театров был драматург В. Р. Зотов, принимавший участие в издании «Пантеона русских театров». Он направил Григоровича к редактору Ф. А. Кони, который взялся напечатать перевод упомянутой драмы. Так у молодого человека, снимавшего тогда «на Гороховой комнату от жильцов», появились первые знакомые в литературной среде столицы.

Из оперных артистов Григорович ближе всего сошелся с тенором Л. И. Леоновым, французом по происхождению, который познакомил его с книгоиздателем А. А. Плюшаром. Этот представитель богатой фирмы затеял издание серии книжек «Переводчик, или Сто одна повесть и сорок сороков анекдотов древних, новых и современных». Хорошее знание Григоровичем французского языка пришлось как нельзя кстати, но русская грамота давалась ему с трудом. Однако практика и одержимость победили, переведенная им повесть А. Пишо «Плавучий маяк» была опубликована в четвертом томе.

Во время учения в Инженерном училище Григорович ознакомился с тоненьким стихотворным сборником «Мечты и звуки», подписанным инициалами «Н. Н.». Стихи не произвели «особенного впечатления», но послужили поводом для знакомства с их автором Н. А. Некрасовым, снимавшим крохотную квартиру на одной из петербургских мансард. Дабы «не умереть на чердаке», молодой поэт писал рассказы, повести, пьесы, театральные обозрения, фельетоны. Его водевили ставились на сцене Александринского театра, рассказы и фельетоны печатались в «Литературной газете» и «Отечественных записках».

Сближение с Некрасовым, который был лишь годом старше, побудило Григоровича к самостоятельному творчеству. «Пример молодого литератора, жившего исключительно своим трудом, действовал возбуждительно на мое воображение, — признается он. — Жить также своим трудом, сделаться также литератором казалось мне чем-то поэтическим, возвышенным, — целью, о которой только и стоило мечтать»¹¹.

14 ноября 1844 года в «Литературной газете» появился его первый рассказ «Театральная карета», а спустя три месяца второй — «Собачка». Оба рассказа, как считал сам автор, были «крайне детского содержания, вымученные, лишённые всякой наблюдательности», но позволили приобрести некоторый литературный опыт.

Для первого выпуска сборника «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов под редакцией Н. Некрасова» Григорович написал очерк «Петербургские шарманщики». Таких людей можно было встретить на любом из больших дворов Петербурга; они являлись с шарманками, с плясунами и акробатами и собирали вокруг себя как детей, так и взрослое население. Правдивое изображение бродячих артистов, неподдельное сочувствие к ним удостоилось высокой оценки критики. Так, В. Г. Белинский, которого он считал «честнейшим из людей, но склонным к увлечению», совершенно искренно отметит: «„Петербургские шарманщики“ г. Григоровича — прелестная и грациозная картинка, нарисованная карандашом талантливого художника. В ней видна наблюдательность, умение подмечать и схватывать характеристические черты явлений и передавать их с поэтической точностью»¹².

Во второй выпуск сборника Григорович сочинит рассказ «Лотерейный билет» и получит первый гонорар, 100 руб. ассигнациями. Затем напишет повесть «Штука полотна», увидевшую свет без имени автора в подготовленном Некрасовым альманахе «Первое апреля». Службу в канцелярии к тому времени он оставит.

В сентябре 1844 года Григорович поселился на одной квартире с Достоевским, уволившимся с военной службы. Дом находился на углу Владимирской улицы и Графского переулочка, квартира состояла из двух комнат с тремя окнами. Каждый жил на

¹¹ Григорович Д. В. Полное собрание сочинений в 12 т. СПб., 1896. Т. 12. С. 262.

¹² Отечественные записки. 1845. Т. 40. № 5. Отд. VI. С. 23.

свой счет, матушка посылала первому ежемесячно пятьдесят рублей, второй получал от родных из Москвы почти столько же. По тогдашнему времени денег этих было за глаза, если расходувать разумно. Но деньги расходились обычно в первые две недели; остальные две недели часто приходилось довольствоваться булками и ячменным кофейком.

Григорович стал первым читателем «Бедных людей», вышедших из-под пера Достоевского; почти насильно взял рукопись и передал Некрасову, опубликовавшему роман в «Петербургском сборнике». Достоевский же помог ему прочувствовать образную природу слова: прослушав главу «Петербургских шарманщиков», где чиновник из окна бросает пятак после игры шарманки, посоветовал написать не просто «пятак упал к ногам», но — «пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая»¹³. Григорович согласился и внес коррективы в окончательный текст очерка.

Прожили начинающие литераторы в одной квартире недолго, после одного горячего спора разъехались, но часто встречались у братьев Бекетовых. Старший из братьев, Алексей Николаевич, был их товарищем по Инженерному училищу. Собирались большей частью вечером, иногда по пятнадцать человек, и беседовали по вопросам, которые всех одинаково затрагивали. Касались событий в Петербурге, в России или за границей, обсуждали литературную или художественную тему; споры бывали жаркие, но до ссор не доходило.

Кружку Бекетовых я многим обязан, — заметит Григорович. — Я ни над чем не задумывался сколько-нибудь серьезно; общественные вопросы меня нисколько не интересовали. Впечатлительный и страстный, я очертя голову бросался в жизнь, отдаваясь минутному увлечению. Много, о чем не приходило мне в голову, стало теперь занимать меня; живое слово, отрезвляющее ум от легкомыслия, я впервые услышал только здесь, в кружке Бекетовых¹⁴.

Григорович сознавал незрелость своих литературных попыток, даже напечатанных. Внутренний голос подсказывал, что для движения вперед нужны другие условия, прежде всего надо расстаться с праздной столичной жизнью. Вскоре он так и сделал, но прежде женился. Его невесту величали Анастасия Николаевна, урожденная Степанова. За красивый голос жених называл ее варакушкой, то есть птицей из разряда певчих.

Весной 1846 года состоялось его знакомство с И. С. Тургеневым, который уже успел опубликовать несколько поэм и повестей. Он повстречался Григоровичу с Некрасовым на Невском проспекте и начал трунить над изданием «Первого апреля», особенно поднимая на смех рассказ «Штука полотна». Некрасов указал на Григоровича как на сочинителя рассказа, так они и познакомились. Спустя год Дмитрий Васильевич с интересом читал первые рассказы Тургенева из цикла «Записки охотника».

К тому времени Григорович оставил Петербург и уехал в деревню, чтобы вплотную заняться литературной работой. За четыре месяца была подготовлена и переписана набело повесть «Деревня». Каждую главу он переделывал по несколько раз, вымарывая все, что казалось нескладным. Затем отправился в столицу к Некрасову, который жил тогда на Фонтанке, между Аничковым и Семеновским мостами, в большой квартире вместе с писателем И. И. Панаевым. Они приобрели право на издание журнала «Современник».

Некрасов взял рукопись для ознакомления, но за два месяца так и не успел ее прочесть. Обиженный Григорович зашел с рукописью к Бекетовым, где познакомился с мо-

¹³ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 87.

лодым критиком и публицистом В. Н. Майковым, братом известного поэта. Тот являлся сотрудником «Отечественных записок» и заинтересовался рукописью; вскоре автор увидел свою повесть в журнале, напечатанную целиком.

На первых порах Григорович с трудом отыскивал оригинальные сюжеты, избегая уже разработанные кем-то ходы и характеры. Сюжет «Деревни» ему подсказал случай, когда к матушке, прославившей в окрестных селениях искусной лекашкой, привезли больную молодую бабу.

Ее против воли выдали замуж за грубого молодого парня, которого также приневолили взять ее в жены; он возненавидел ее, чему немало способствовали его сестры, начал ее бить в трезвом и пьяном виде и заколотил почти до смерти; баба была в злейшей чахотке и вряд ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чем жить; ее сокрушала только судьба дочери, двухлетней девочки; он и ее заколотит насмерть, говорила она¹⁵.

Знакомый с простонародным русским языком только по книгам, Дмитрий Васильевич стремится изучать его на практике. Немало времени проводит на мельнице; беседует с помольцами, прислушивается к речи крестьян, записывает характерные и живописные выражения. Записные книжки пополняются русскими народными поверьями, понятиями и поговорками, женскими и мужскими прозвищами.

Повесть Григоровича прочитал В. И. Даль, служивший тогда в канцелярии Министерства внутренних дел, и выразил желание познакомиться с автором. Владимир Иванович заинтересовался потому, что повесть была из простонародного быта, который всегда занимал его. В тридцатые годы он собрал и издал «Были и небылицы» в четырех книгах. Пользуясь своим положением, рассылал циркуляры должностным лицам внутри России, поручая им собирать и доставлять ему местные песни, поговорки и прочее. Даль охотно давал Григоровичу возможность пользоваться собранным материалом у себя на дому, а жил он в доме МВД на Театральной улице. Дмитрий Васильевич познакомился с его семейством, состоявшим из жены, нескольких дочерей и сына, поступившего в Академию художеств и выказавшего себя замечательным архитектором.

Позднее, когда Григорович побывает за границей, а Даль опубликует сборник «Пословицы русского народа» и примется за «Толковый словарь живого великорусского языка», молодой писатель не раз обращался к знаменитому этнографу за сюжетами из народной жизни. Даль рекомендовал поработать в архиве МВД по отделению происшествий, где хранятся донесения исправников, записи допросов и показаний, мол, там много интересного можно найти. В одном из писем заметит: «Дай Бог вам любовь да совет на полезный труд; но примите от меня один совет: положите и Вы зарок, не ставить себе в этом труде памятника <...> дурного русского языка, или, по крайней мере, коверкание его на иноземный лад. Дайте зарок, чтобы в этом сочинении не было ни одного не русского слова, кроме разве давно принятых и усвоенных нами сполна. Если Вы этого не сделаете, то, по привычке, не остережетесь и туда много попадет незаметной крошки»¹⁶.

Вторая повесть Григоровича «Антон-горемыка», опубликованная в «Современнике» в 1847 году, выдвинула его в ряд лучших русских писателей. Как и «Деревня», она была проникнута антикрепостническим пафосом и первоначально заканчивалась сценой крестьянского бунта, но цензура заставила изменить финал. Многострадальный главный герой был вынужден ради уплаты оброка продавать на ярмарке последнюю лошаденку, да и ту у него уведут конокрады.

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

Почти двенадцать лет Григорович являлся постоянным сотрудником «Современника», возглавляемого Некрасовым. Вслед за «Антоном-горемыкой» опубликовал там рассказы «Бобыль», «Мать и дочь», повести «Капельмейстер Сусликов», «Четыре времени года», «Кошка и мышка», роман «Рыбаки». В 1856 году Некрасов заключил с Григоровичем, Тургеневым, Л. Толстым и А. Островским нотариальное соглашение, по которому они отдавали новые произведения только в его журнал, получая сверх гонорара проценты с каждого напечатанного ими листа. Дмитрий Васильевич оказался самым пунктуальным участником этого соглашения.

Дело подходит, друг мой, к осени, — предупредит его Некрасов с дачи в Ораниенбауме. — Я знаю Вас за литератора аккуратного; однако все-таки считаю необходимым для себя напомнить Вам, что Вы обязаны написать к 10-му № «Современника» повесть. Знайте, что все надежды этого № опираются единственно на Вас — и я прошу Вас, Григорович, во имя нашей давней, давней дружбы, сдержать Ваше обещание¹⁷.

По примеру Некрасова Григорович задумал издание «Народной беседы» — серии просветительских книжек, напечатанных крупным шрифтом на белой бумаге, с иллюстрациями. К 1858 году составил программу издания из 17 параграфов, включая «Русские военные полководцы», «Знаменитые выдумки и открытия, включая стекло, порох, компас и пр.», «Русские знаменитые простолюдины, включая Ломоносова, Меньшикова, Минина и пр.», «О нравах и обычаях разных народов», «Выбор образцов песен», «Выбор лучших сказок, — таких особенно, где преобладает юмор и забавное содержание»¹⁸.

С 1846 года Дмитрий Васильевич жил больше в Дулебине, часто выезжая в Москву и Петербург. В столице посещал салоны князя В. Ф. Одоевского и графа М. Ю. Виельгорского, где раз в неделю по вечерам собирались, помимо лиц большого света, ученые, литераторы, музыканты, артисты. Заводилой в доме Виельгорского на Михайловской площади был его зять, граф В. А. Соллогуб, унаследовавший после матери село Никольское, где родился Григорович. Молодой граф являлся автором нескольких рассказов и повестей, но стал известен как «одаренный литератор» после выхода в 1845 году повести «Тарантас», написанной в форме путевых заметок.

После свадьбы Соллогубы жили в доме Виельгорских, в отдельной для них отделанной квартире. Вспоминая свои встречи с литераторами, граф писал: «У меня в то время собирались тузы русской литературы. Я уже называл Тютчева, Вяземского и Гоголя. Изредка <...> появлялась высокая фигура молодого Тургенева; сухопарый и юркий Григорович был у нас в доме как свой...»¹⁹

В кругу литераторов, составлявших редакцию «Современника», ближе других Григорович сошелся с В. П. Боткиным и А. В. Дружининым, в 1856 году ставшим редактором «Библиотеки для чтения». В доме живописца Н. А. Майкова Дмитрий Васильевич познакомился с И. А. Гончаровым, тоже уроженцем Симбирска, который после выхода в свет его «Обыкновенной истории» заметно изменился. «В течение многих лет, как мы его знали, мы не слышали от него похвалы чужому произведению, — заметит Григорович, — когда в его присутствии хвалили что-нибудь явившееся в литературе, он обыкновенно отмалчивался»²⁰.

¹⁷ Там же. Д. 76. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Д. 15. Л. 1.

¹⁹ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. С. 494–497.

²⁰ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 105.

Свободное время Григорович отдавал изобразительному искусству. В частности, выполнил автопортрет в карандаше, подготовил акварельные эскизы декораций для домашнего спектакля, сделал пером на кальке сотню копий с рисунков итальянского живописца и архитектора Рафаэля, проникнутых безупречным чувством меры и пропорций. Все копии подписал и собрал в большой альбом, который из-за финансовых затруднений в 1875 году пришлось продать за 500 рублей.

В повести «Неудавшаяся жизнь», впервые увидевшей свет в «Отечественных записках» под заглавием «Неудача», Григорович покажет маститых и начинающих, талантливых и бездарных художников. Художественная среда ему была хорошо знакома со времени пребывания в Академии художеств. Дмитрий Васильевич с любовью живописует панораму Петербурга, увиденную главным героем повести с высокого берега Обводного канала: «Жаркое летнее солнце медленно опускалось за город. Отдаленные здания, тонувшие в огненном, золотистом облаке пыли, постепенно окутывались голубоватым туманом. Местами, длинные, фиолетовые пятна неопределенного очертания скользили над кровлями, то суживаясь, то расширяясь и захватывая каждый раз на пути своем башню или церковь, которые вдруг четко обозначались тогда на пламенеющем небе. Слева, в отдаленном горизонте, показывался, словно дымкой окутанный, профиль Исаакия, и только на круглом его куполе играли и дробились последние лучи заходящего солнца»²¹.

Богатая эрудиция и мастерство рассказчика привлекали к Григоровичу людей. Именно ему довелось сопровождать французского писателя Александра Дюма-отца, который летом 1858 года путешествовал по России. Познакомились они в Петербурге у графа Г. А. Кушелева-Безбородко, беллетриста и мецената. Дюма просил познакомиться его с кем-нибудь «из настоящих русских литераторов»; Григорович назвал ему И. И. Панаева, жившего тогда на даче в Ораниенбауме. Предупредив Ивана Ивановича, вместе с Дюма отправился к нему на пароходе. Весело общались с гостеприимным хозяином, гуляли по берегу Финского залива, а вечером вернулись обратно в столицу. Целый месяц Григорович занимался французом, который, получив приглашение с Кавказа, покинул столицу.

В мае Григорович при содействии Панаева получил приглашение управляющего канцелярией Морского министерства. По примеру Гончарова — участника экспедиции в Японию на фрегате «Паллада» — ему предложили проделать кругосветное плавание и описать путешествие в «Морском сборнике». Возможность увидеть незнакомые страны, набраться новых впечатлений казалась соблазнительной. От морских властей узнал, что в августе может занять каюту на линейном корабле «Ретвизан», стоявшем в кронштадтской гавани.

Перед отплытием прежний маршрут был изменен; корабль должен идти в Средиземное море и сопровождать великого князя Константина Николаевича. Вместо Явы, Китая, Японии предстояло увидеть Германию, Данию, Францию, Испанию, Италию, Грецию, что тоже было недурно!

Путешествие на «Ретвизане» началось 8 августа 1858 года и продолжалось более года, Григоровичу удалось посетить немало замечательных мест. В Париже, с которым был знаком прежде по бесчисленным описаниям и литографиям, остановился в трехэтажном доме Дюма-отца. Его встретила экономка писателя, который сам в это время путешествовал и предупредил о визите русского друга письмом.

Дмитрий Васильевич начал свои похождения с Лувра, наполненного картинами, статуями и древностями всякого рода. Прогулка по его галереям вместе с наслаждением вызвала удивление: там было устроено особое отделение, куда поступали лишние ду-

²¹ Григорович Д. В. Сочинения в 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 309.

блеты эстампов, гравюр, картин и статуй, подготовленных французскими художниками. Каждый мог приобрести их за самую сходную цену, означенную в каталоге.

Прогулки по Парижу дали возможность ознакомиться с местными нравами, которые зачастую были интереснее памятников. Заглянул Григорович в Пале-Рояль, который ему чрезвычайно понравился.

Назначение Пале-Рояля то же, что наших гостиных дворов, но что это за разница! Уже одно здание <...> свободно может вместить пять таких построек, как петербургский гостиный двор. Под арками, идущими вокруг сада, тянутся сплошной стеклянной стеною самые роскошные магазины; здесь большей частью производится торговля золотыми изделиями; голова кружится при виде этих гор бриллиантов, золотых драгоценных вещей <...> При слабом характере избави боже отправиться сюда с молоденькой женою или возлюбленной, — особенно парижанкой; человек пропал по прошествии получаса! Не знаю, искусство ли, с которым выставлены товары, блеск ли освещения, суетливое ли движение взад и вперед, — но мне казалось, что в любом из этих пассажей больше торговли, чем на всем Невском проспекте²².

Сохранились карандашные наброски Григоровича и пейзажи, написанные маслом во время длительного морского путешествия. Его путевые записки от Петербурга до Генуи печатались в «Морском сборнике», журналах «Современник» и «Время», позднее были собраны в отдельную книгу. Критики, находя много общего между опубликованным ранее «Фрегатом „Паллада“» Гончарова и «Кораблем „Ретвизан“», отмечали: «Григорович ориентировался на то лучшее, что ставило „Фрегат „Палладу“» в ряд шедевров жанра путешествия»²³.

Однако Дмитрий Васильевич, разрабатывая сходную тему, не повторял Гончарова. В описании предметов искусства тех стран, которые посетил, ссылаясь на специальные труды; при этом не таил собственного мнения, а речь его становилась яркой и выразительной. Так, например, рассказал о запрестольных картинах испанского художника Мурильо, увиденных в провинциальном музее Севильи:

По-моему, перл этого драгоценного собрания — св. Феликс, подносящий Христа-младенца Богородице. Не знаю, чтобы кисть Мурильо произвела что-нибудь совершеннее; здесь полотно, краски, словом материальные части живописного искусства окончательно как бы исчезли; перед вами открывается воздушное, квадратное пространство, в котором клубятся легкие облака, насквозь проникнутые светом; слева, в белой, развевающейся одежде тихо спускается Богородица; прелестное, кроткое лицо ее освещается невидимыми небесными лучами; справа, внизу, на едва приметном клочке земли, стоит на коленях святой; лицо его, опрокинутое назад, исполнено восторженного умиления; вся душа перешла, кажется, в полные сладких слез глаза, устремленные к дивному видению; руки его, простерты вперед, покрыты белым покровом; на нем спящий Христос-младенец. Картина особенно тем еще замечательна, что в ней, кроме поэзии и прелести выражения, еще менее выказывается условного, чем в других произведениях Мурильо; она, очевидно, написана в минуты самого горячего вдохновения²⁴.

Путевые очерки остались незаконченными. Вернувшись в Россию, Григорович отправился в деревню, чтобы в большом романе изобразить отживающих помещиков старого закала и молодых, мечтающих о сближении с народом. Однако успел написать

²² Григорович Д. В. Сочинения в 3 т. Т. 3. С. 49—50.

²³ Мещеряков В. П. Д. В. Григорович — писатель и искусствовед. Л., 1985. С. 78.

²⁴ Григорович Д. В.. Сочинения в 3 т. Т. 3. С. 125.

лишь первую часть, напечатанную в «Русском вестнике» под названием «Два генерала». В это время произошло размежевание литературных сил на либералов и революционных демократов, сотрудники «Современника» тоже разделились на группы.

Вслед за Толстым, Дружининым, Тургеневым ушел из журнала и Григорович, которому революционно-демократические и народнические идеи были чужды. В одном из писем он взывал к Некрасову: «Истинно джентльменское дело вы бы сделали, прекратив наотрез, радикально перебранки с журналами. По одной новости такого поступка был бы уже произведен сильный эффект в публике. Право, душу теснят статьи, исполненные ненависти, невольно обращающейся во вред и автору и журналу»²⁵.

С отменой крепостного права мать передала ему управление имением Дулебино, возраст не позволял ей привести в действие уставную грамоту, разверстать наделы. Дмитрию Васильевичу пришлось заняться хозяйственными делами, заключать арендные договора. Дворовый человек Яков Васильев обязался «ежегодно платить мне за оба сада 50 руб. сер. каждую осень в сентябре месяце; взялся содержать и сохранять сады в надлежащем порядке и содержать мне свою естественную породу»²⁶.

Второй арендатор согласился взять за порядочную плату всю землю на той стороне речки Смедвы, в Зарайском уезде Рязанской губернии. Но вместо распашки земли и возведения строений для скота, как было условлено контрактом, арендатор открыл кабак. На протест Григоровича заявил, что снял землю и волен делать на ней, что ему вздумается. Когда подошел срок первой уплаты, то объявил, что денег у него нет. Дмитрий Васильевич поехал в уездный город Каширу для расторжения договора. Власти искренно жалели, что он дался в руки известному мошеннику, но посодействовать не могли, так как сданная в аренду земля находилась в Зарайском уезде Рязанской губернии, арендатор же был мещанином города Коломны Московской губернии. Началась бесконечная переписка между Коломной, Зарайском и Каширой; арендатор же продолжал чинить всякие безобразия, пока не спился и оставил землю. Доходы с имения уменьшились наполовину, плата за литературный труд была непостоянной.

Григорович изыскивал способы обеспечить достойное содержание семьи, когда любимая дочка Маша собралась замуж. Он даже растерялся, узнав об этом от жены: «Дорогой дружок Варакушка, письмо твое, как ты сама судить можешь, произвело на меня не совсем обыкновенное действие. По существу я очень рад; Черемисинов кажется мне очень хорошим человеком и все его семейство спокойное и смиренное. Может, по уму своему и образованию, будет всегда иметь в доме большой вес...»²⁷

Дмитрий Васильевич предполагал устроиться на службу, которая бы не мешала литературным занятиям. Ему предложили должность секретаря Эрмитажа, но прежде надо было сделать описание всех его отделений, которое могло служить руководством для посетителей. За осень и зиму Григорович провел указанную работу, напечатанную под названием «Прогулка по Эрмитажу». И только тут узнал, что обещанное ему место занял дальний родственник тогдашнего начальника.

* * *

В 1863 году проходили выборы секретаря Общества поощрения художеств; место было предложено Григоровичу, и он охотно согласился. Общество возникло в Петербурге в 1821 году, с 1857-го содержало рисовальную школу. Оно организовывало выставки и конкурсы, помогающие художникам освободиться от необходимости зараба-

²⁵ Некрасовский сборник. Пг., 1918. С. 105–106.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 87. Л. 5.

тывать на жизнь иным трудом. Дмитрий Васильевич знал проблемы молодых художников, сочувствовал им и с удовольствием принялся за порученное дело. Планы различных романов и повестей лежали пока без употребления.

Начал Григорович с составления нового устава Общества поощрения художеств, в котором, помимо расширения рисовальных классов, значились мастерские, музей и библиотека; все это не прошло мимо его рук. «Он вставал в шесть часов утра, что для петербургского жизненного обихода совершенно противоестественно, работал у себя дома, затем работал в своем кабинете, как секретарь в „Обществе поощрения художеств“ и, наконец, вечером вы его могли видеть, и также по делам искусства, как в именитых княжеских домах, так равно и в чердачной конуре какого-либо бедного художника, — отметит один из его коллег. — Едва ли есть в Петербурге кто-либо и как-либо причастный к искусству, который бы не знал Д. В. и не обратился к нему или за советом, или за каким-либо содействием, или же просто за помощью в том или ином деле»²⁸.

Григорович сам собирал по рынкам и частным домам, в российской провинции и за границей коллекции рисовальной школы и оборудование мастерских. Он же разыскивал экспонаты для создаваемого художественного музея, который «может быть смело поставлен наряду с лучшими подобными же музеями Европы»²⁹. Без него не обходилась ни одна выставка или художественный конкурс, где был советником, устройтелем и экспертом. Каким-то чудом успевал заниматься и обустройством в Москве художественно-промышленного музея при Строгановском училище технического рисования, где в тридцатые годы ему привили любовь к искусству.

Бурная деятельность не оставила времени проведать в Дулебино постаревшую мать, что не позволяет назвать Григоровича примерным сыном. Гораздо чаще бывали в деревне его жена и дочь, а затем внуки и внучки. 13 сентября 1866 года Сидония Петровна в письме к снохе, «любезной Настиньке», заметит:

Когда будешь мне писать, не забудь мне сказать, отправила ли ты то, которое было к Дмитрию? Я очень огорчилась, услышавши, что сын мой был так близко, и я не могла его видеть, но г-жа Беккерс мне сказала, что погода была ужасная и он был в самом легком пальто. Но сжимая сердце, великодушно прощаю ему, молю я за него и, благословивши, надеюсь, что он вознаградит мое терпение, покуда я жива, уделю несколько дней на свидание, вот уже три года что я его не вижу.

Пиши мне, когда ты получишь об нем известие, ты должна знать сколько оные дороги моему сердцу. Машу обнимаю вместе с ее крошкой. Ох, как она должна быть счастлива, глядя на своего ребеночка. Дай Господи, чтобы она была здорова и могла сама кормить. В этих сладких мыслях обнимаю и благословляю вас всех и остаюсь как всегда душою расположенная мать³⁰.

В 1867 году Григоровича назначили художественным экспертом русского отдела на Всемирной Парижской выставке. «Выставка точно будет отличная и перевернет престиж России в Европе, — сообщит Дмитрий Васильевич жене из французской столицы. — Я ежедневно с 10 часов до 5 с комиссией; замучались так, что и Париж не в радость...» В другом письме вновь жалуется на нехватку времени, мол, «я еще никого не видел из русских в Париже». И тут же отметит, что «с каждой неделей приближения выставки дороговизна увеличивается»³¹.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

²⁹ Живописное обозрение 1882. № 45. С. 723.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 88. Л. 2—2 об.

³¹ Там же. Д. 87. Л. 20—25.

Григорович несколько раз ездил за границу для пополнения музейных фондов, попутно знакомясь с опытом преподавания рисовальных школ Австрии, Германии и Франции. С большой любовью относился он к своему детищу, Рисовальной школе при Обществе поощрения художеств. Это видно из воспоминаний бывшей ученицы: «Зайдя в конце мая в школу, он предложил ученикам собраться на другой день после экзаменов в Эрмитаже. Собралось всего 12 человек, и мы начали обзор нижних галерей древней скульптуры. Осматривали все очень внимательно. Григорович объяснял чрезвычайно толково, с знанием дела, ясно, просто, красноречиво обращал внимание на многое, прежде нами уже виденное, но пропускавшееся без внимания. Перейдя затем во второй этаж, мы и там останавливались только перед статуями, решившись этот день посвятить исключительно скульптуре»³².

Такие прогулки имели большое эстетически-образовательное значение для довольно разношерстного состава учеников школы. Здесь получили начальную подготовку В. М. Васнецов, В. В. Верещагин, Ф. А. Васильев и другие крупные живописцы. Первый из упомянутых мастеров, Васнецов, родился в семье сельского священника и обучался в духовной семинарии, однако выбрал другой жизненный путь. Вторым, Верещагин, был сыном помещика и поступил в Морской корпус, что не помешало затем окончить Рисовальную школу и Академию художеств.

Федор Васильев появился на свет в семье мелкого почтового служащего, имевшего в собственности «маленький одноэтажный низенький домик в Семнадцатой линии Васильевского острова», и был вынужден самостоятельно зарабатывать с двенадцати лет. В 1864 году поступил в Рисовальную школу при Обществе поощрения художеств, которую окончил через два года. К этому времени его стремительно развивающийся талант становится очевидным не только для Григоровича, который души не чаял в нем. Изучение природы, советы и опека И. Н. Крамского, совместная работа на природе с И. И. Шишкиным делают Васильева известным пейзажистом, участником организованных обществом выставок в 1867 и 1868 годах.

Зимой 1869 года, получая «лестные для меня внимание и заботливость на успехи мои», Васильев подносит обществу картину «Перед дождем». Летом следующего года Григорович устраивает ему, двадцатилетнему, вместе с молодыми И. Е. Репиным и Е. К. Макаровым четырехмесячную творческую поездку на Волгу. Так в творчестве Васильева появится волжская тема: «Вид на Волге. Барки», «Волжские лагуны» и другие. Репин же пишет картину «Бурлаки на Волге», привлекая широкое внимание общественности.

В 1871 году Васильев был зачислен вольнослушателем в Академию художеств, но заболел чахоткой и вынужден переселиться в Ялту. В Крыму выполнил по старым эскизам замечательное полотно «Мокрый луг», раскрыл торжественно-радостный образ обновленной после дождя среднерусской природы; также по прежним наброскам написал небольшую поэтическую картину «Заброшенная мельница». Между Григоровичем и больным художником, скучающим по кипучей жизни Петербурга, велась активная переписка, строились планы его участия во всемирных выставках в Лондоне и Вене.

Получил от Вас, дорогой Дмитрий Васильевич, два письма, одно за другим, — 29 марта 1872 года сообщит он в столицу. — Деньги за 2 премию получил <...> Крашки и кисти получил позже, за что несказанно Вам благодарен. Вы ставите меня в крайнее затруднение, чтобы определить сумму, необходимую мне на поездку за

³² Дмитрий Васильевич Григорович. Его жизнь и сочинения. Составитель В. И. Покровский. М., 1910. С. 19.

границу. Как я это сделаю? Не зная условий путешествия, языка и разных с этим сопряженных условий. Прошу Вас напишите два слова об этом и посоветуйте, как человек уже бывавший на Востоке и вообще в Европе. Я только напомню Вам, что не имею надежного здоровья, должен быть вполне обеспечен на случай болезни, которая лишит меня возможности зарабатывать деньги, в случае их необходимости <...>

Ради Бога не медлите с ответом, которого я буду ожидать с нетерпением, и на которое отвечу в тот же час <...> Несказанно благодарю за замечания о моей картине и прошу верить, что они не пропали даром <...> Всех начатых картин восемь. Если я их кончу — слава Аллаху! Картину конкурсную купил Третьяков за 1000 руб., так что Вы не будете сердиться. Опять напоминаю: ни кому ни говорите о том, что у меня уже начаты картины и что я думаю их окончить и привезти с собой <...> Тысячу раз обнимаю и пожимаю Вашу руку, с огромной благодарностью за заботу обо мне Ваш Васильев³³.

Последняя картина Васильева «В крымских горах» была написана им в 1873 году незадолго до смерти, наступившей 24 сентября, и получила премию Общества поощрения художеств. Но звание классного художника, которого он добивался, так и не было присуждено советом Императорской Академии художеств из-за пустых формальностей: невозможности подвергнуть словесному испытанию по причине «крайне расстроенного здоровья». Через год Григорович организует в Петербурге посмертную персональную выставку его пейзажей.

Дмитрия Васильевича в 1864 году Академия художеств «за любовь, пользу и познания в художествах» признает своим почетным вольным общником, позднее избирает почетным членом академии. В печати он выступает преимущественно как критик-искусствовед, ратуя за расширение образования художников, поддерживая прикладные виды искусств. В 1868 году издаст свою работу «Художественное образование в приложении к промышленности на Всемирной Парижской выставке 1867 г.», затем выйдет в свет его труд, посвященный «Выставке учеников Императорской Академии художеств»; в «Вестнике изящных искусств» появятся его «Очерки художественно-промышленного производства».

Весной 1869 года Григорович потерял свою заботливую матушку. Осенью скончался его давний друг В. П. Боткин, который завещал своим братьям «внести в Санкт-Петербургское Общество поощрения художеств Пять тысяч р(ублей) сер(ебром) с тем, чтоб на проценты с этой суммы Общество выдавало каждые два или три года премии за лучшие картины из русского жанра или пейзажа»³⁴.

Свыше пятнадцати лет Григорович являлся секретарем и почетным членом Общества поощрения художеств, три года состоял членом Комитета литературного фонда, был председателем Театрально-литературного комитета, организованного для наблюдения за художественным качеством репертуара императорских театров. В театрах шли инсценировки его повестей «Школа гостеприимства» и «В столице», рисующих быт петербургского и поместного дворянства.

Художники просили помощи у Григоровича в получении заказов, литераторы — в издании своих рукописей; часто обращались к нему с просьбами о пособии больные и обездоленные люди. «Молва говорит, — писала одна из просительниц, — что Вы добрый и никогда не отказываете бедным»³⁵. Просили не только себе, но для учебного заведения или общества.

17 марта 1880 года Дмитрию Васильевичу писали из Петербурга: «В виду слухов о том, что плата, которую предполагается взимать за вход на выставку картин г. Ве-

³³ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 69. Л. 2–3 об.

³⁴ Там же. Д. 6. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 81. Л. 15.

решагина, будет пожертвована в пользу высших женских курсов имею честь покорнейше просить Вас: не найдете ли Вы возможным уделить часть вырученной суммы в пользу женских врачебных курсов при Николаевском военном госпитале. Я позволяю себе обратиться к Вам с этою просьбою потому, что в числе 450 слушательниц упомянутых курсов есть много таких, которые не в состоянии уплачивать установленный взнос за право слушания лекций и без помощи частной благотворительности принуждены были бы оставить курсы»³⁶.

К литературной работе Григорович возвратится уже на склоне лет. В трех номерах «Нивы» появится его повесть «Гуттаперчевый мальчик» о тяжелой жизни малолетних артистов цирка, которая была воспринята критикой как «маленький шедевр». Замечательное письмо 1 февраля 1883 года пришлет И. С. Тургенев: «Вашего „Гуттаперчевого мальчика“ я давно прочел — и все собирался Вам послать подробный отчет о моем впечатлении, да не до писания было! Скажу Вам вкратце, что это вещь очень характерная: все характеры поставлены верно; но в исполнении я нашел какую-то излишнюю обстоятельность и старательность, которые придают медлительность рассказу <...> Пишите — как следует авторитету — уверенно, бойко, быстро. И во всем „Гуттаперчевый мальчик“ очень хорошая вещь»³⁷.

Осенью 1883 года Дмитрий Васильевич возглавил распорядительную комиссию по организации похорон Ивана Сергеевича. Провожая в последний путь своего ближайшего соседа и соперника в литературе, заметит: «Вспомните все вы окружающие здесь его могилу, — вспомните, как отозвался весь образованный мир людей на земле, а с ним во всей России, когда пронеслась горестная весть о его кончине! Представлял ли Тургенев, что кончиной своей вызвал в сотнях тысяч людей столько сожалений, столько слез, столько горя?»³⁸

Будучи чутким художником, Дмитрий Васильевич обратил внимание на рассказы молодого А. П. Чехова и в марте 1886 года благословил его на литературный труд. «Мне минуло уже 65 лет, — признается Григорович, — но я сохранил еще столько любви к литературе, с такой горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог — как видите — утерпеть и протягиваю Вам обе руки»³⁹.

Внимание известного писателя подтолкнуло Чехова к созданию первого крупного произведения — повести «Степь». Позднее он напишет Григоровичу: «Я глубоко убежден, что, пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредимы»⁴⁰.

В 1888 году Дмитрий Васильевич был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Спустя несколько лет в печати появятся литературные воспоминания, где он расскажет о встречах с Некрасовым, Тургеневым, Гончаровым, Толстым, Соллогубом и другими литературными деятелями. Современники обнаружат в мемуарах неточности, но все же признают ценными историческими свидетельствами.

В октябре 1893 года русское общество торжественно отметило пятидесятилетие литературной деятельности Григоровича. Среди сотен поздравительных писем и телеграмм редакций газет, учебных заведений и обществ, артистов, писателей и присяжных

³⁶ Там же. Л. 3

³⁷ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Т. 13. Л., 1968. Кн. 2. С. 160–161.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

³⁹ Григорович Д. В. Избранное. Л., 1981. С. 751.

⁴⁰ Там же.

поверенных выделялось искреннее и проникновенное письмо машинистки, по роду деятельности одной из первых знакомившейся с его произведениями: «С величайшей радостью и гордостью сейчас примусь за Вашу рукопись и с новым наслаждением буду ее переписывать. Постараюсь переписать дня в три и в четверг около 11 утра, идя на службу, занесу Вам. Позвольте мне еще раз пожать Вашу руку и поздравить, да пожелать Вам всего хорошего на свете, много лет здравствовать и главное писать и писать еще много. Страшное впечатление на молодежь произвело замечательное письмо к Вам Толстого. Я слышала в публике, что никто не ждал ничего подобного от человека поистине великого, но признающего лишь себя. Многие поняли, что Вы собственно были его учителем. Да, вчера был праздник праздников для всей мыслящей России и <...> я имела возможность присутствовать на Вашем блестящем празднике вместе с моими сестрами. Этот чудный день останется нам памятен на всю жизнь <...> Была я на Тургеневском вечере, героем которого были Вы, и буду сегодня в Александринском театре. Спасибо Вам, дорогой Дмитрий Васильевич, за высокое наслаждение, которое Вы нам доставили, нарушив нашу исключительно трудовую жизнь вечно дома или на службе за машиной. Все мы эти дни <...> живем исключительно Вашими интересами, Вашей жизнью. Да хранит Вас Господь на многия, многия лета. Всею душой преданная Вам Екатерина Юкельсон»⁴¹.

У Григоровича подрастали три внучки и два внука, с которыми он вел переписку и которых навещал, если позволяло здоровье. Последние годы глаза болели так, что доктора временами запрещали не только писать, но и читать. Особо доверительные отношения сложились с младшим из внуков, Александром Черемисиновым, который учился в одной из московских гимназий. Внуку хотелось оставить гимназию и заняться хозяйством в Дулебине, дед же нацеливал его на поступление в военное училище.

Карьера эта напротив весьма почтенная, в ней отличались самые доблестные люди России. Старший брат твой на ней остановился и, слава Богу, доволен своей судьбой, определился окончательно и успокоил мать. Не вижу причины, почему в ожидании улучшения наших обстоятельств не последовать бы его примеру; могли бы вы жить вместе и облегчать и нравственно и в денежном отношении положение матери. Пора ей отдохнуть от семейных тревожений и пожить несколько для себя. Подумай об этом; у тебя доброе сердце и ум, который скажет тебе, что лучше синица в руках, чем журавль в небе. Я искренно люблюсь на старших сестер, которые трудятся, живут не на плечах матери и не только ей не в тягость, но помогают ей. Прошу тебя обдумать все, что пишу тебе: чувства и мысли внушены единственно сердечным и разумным участием⁴².

Петербургский книгоиздатель А. Ф. Маркс, согласно нотариальному договору получивший права на издание произведений Григоровича, в 1896 году выпустил Полное собрание его сочинений в 12 томах, «третье, вновь пересмотренное и исправленное автором издание». На следующий год в журнале «Русская мысль» появился очерк «Скучный город», последнее из сочинений Дмитрия Васильевича.

Автор со знанием дела опишет произошедшие на его глазах перемены как в общественной жизни Петербурга, так и в наружном виде города. В начале сороковых годов на маскарад в Большом театре «публики собиралось иногда до трех тысяч» и «одна за другой открывались галереи картин». Но спустя десяток лет «на Невском проспекте начисто срубили липы», затем «помешали шарманщики, уличные оркестры, акробаты, петрушки», которым запретили показываться на Адмиралтейской площади.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 19. Л. 70.

⁴² Там же. Д. 102. Л. 4–4 об.

Освобождение крестьян, не ознаменовавшееся в Петербурге явными народными манифестациями, имело однако ж важные последствия на его общественную жизнь. Это особенно стало заметно в высших сферах. Год от году балы и приемы делались реже; их заменяли небольшие танцевальные вечера <...> О гостеприимных домах, куда собиралось интеллигентное общество, не стало помину. Умственная жизнь салонов заменилась журналами и газетами, без которых можно было бы дойти до самоубийства от уныния.

Дмитрий Васильевич выделяет лишь Невский проспект и Большую Морскую, соседние улицы критикует за нескончаемые обозы, никудышную мостовую, обшарпанные извозчицы кареты и даже замечает, что у Александровского сада из шести входов три заперты, а «при открытых стоят всегда городовые и жандарм и не пускают мещанина, мужика, мастерового».

Электричество с каждым годом распространяется, гремят конки и дилижансы; гремят кареты и линейки, снуют велосипеды, мостовая улучшается, начинают, слава Богу, сажать деревья вдоль тротуаров, город, видимо, становится более европейским, — отмечает он благотворное влияние времени и тут же заключает, что «все эти усовершенствования мало <...> влияют на самую жизнь, мало вносят в ней оживления и веселости»⁴³.

В 1888—1889 годах Григорович вел дневники, в которых, помимо сведений о погоде и самочувствии, содержатся краткие записи о встречах со старыми знакомыми и посещениях знаковых мест: «обедал» с Бартеневым, Всеволожским, Корхом, Суворинным, Толстым; «вечер провел» у Бенуа, Паскевича, Танеевой, Шаховской, Шереметева; выбирался на представления в Александринский или Мариинский театры; был в академии...

22 декабря 1899 года Дмитрий Васильевич покинул бранный мир, ушел вместе с XIX веком. Последним его пристанищем стало Волково кладбище, по соседству с обустроенной ранее им могилой Тургенева.

В одном из многочисленных некрологов будет отмечено: «По своей натуре Григорович был дилетантом в лучшем случае этого слова, — человек не особенно глубокий, но способный искренно одушевляться и художеством и хорошими идеями. Но художество в нем всегда стояло на первом месте, — и в своих литературных произведениях он прежде всего был талантливым живописцем-пейзажистом. Любя природу и глядя на нее глазами художника, он умел подмечать и передавать в своих описаниях такие краски, такие оттенки и настроения пейзажа, которые свидетельствуют об его далеко незаурядном таланте живописца. Люди и их жизнь являются в его произведениях также преимущественно, если не исключительно, с внешней живописной стороны; ему совершенно чужда психология сложных душевных движений. Этим же качеством отличается и его слог; оно ярко сказывалось и в его устной беседе, всегда живой, остроумной и главное — ярко изобразительной. Григорович и писал и говорил образами и красками. Если бы он остался верен кисти — из него, без сомнения, вышел бы крупный художник в области пейзажа и жанра, он променял кисть на перо, — но приемы его творчества от этого не изменились: его произведения и в книгах являются такими, как-будто они были написаны красками на полотне»⁴⁴.

Прошедшие годы ничего не прибавили к характеристике Дмитрия Васильевича Григоровича, лишь подтвердили правоту этих слов.

⁴³ Русская мысль. 1897. Кн. XI. С. 190—202.

⁴⁴ Дмитрий Васильевич Григорович. Его жизнь и сочинения. С. 21.